

Роман

ОКОВЫ НЕБЕСНОГО СИЯНИЯ

Кузьмин Гордей

16+

Гордей Дмитриевич Кузьмин

Оковы небесного сияния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67548935

SelfPub; 2022

Аннотация

Если встанет выбор: жизнь без любви или смерть ради любви, то что ты выберешь? Он выбрал смерть. И найдет ли любовь свою Виктор среди мертвецов и гнили, что на стенах мира оседает?

Гордей Кузьмин

Оковы небесного сияния

*Лишь о любви все мысли говорят
И столь они во мне разнообразны,
Что, вот, одни отвергли все соблазны,
Другие пламенем ее горят.*
— Данте Алигьери

I. Из пепла мир.

“Где я?..” – очнулся юноша, взирая на свинцовые тучи,
“Кто я? В голове одно лишь имя... Виктор.”

– Эй, юнец, чего ты здесь ищешь? – послышался противный старческий голос в ушах русоволосого мужчины, лежащего на мертвой и холодной земле. Он что-то пристально рассматривал... Это был серебряный кулон, в которые обычно помещают фотографии дорогих людей. Вскоре он спрятал кулон под свою рваную белую, запачканной кровью, рубашку и поднялся с земли.

– Ты ведь ещё живой?! Я чувствую это! – слышался этот же противный и ужасный голос в голове юноши.

Юноша поправил свои русые волосы, блеснул карими глазами, посмотрев на черные, затянутые тяжёлыми свинцовыми облаками, небеса. Затем он сделал шаг вперед, подходя к тихо бегущему ручью. В нём не было воды, текла лишь

кровь и какая-то черная противная жидкость, напоминавшая гниль или нефть.

– Ответь мне! – вновь послышался голос над головой. Юнец поднял карие глаза, посмотрев на ветку, с которой доносился голос. На ней сидел огромный черный ворон, у которого половина клюва была изуродовано, но вторая, к слову, вполне цела, даже без единой царапины, словно поиграли с ним дети жестокие.

– Я здесь только за одним. – сказал парень, перешагивая реку. – И я не могу сказать зачем. О таком не говорят с мертвыми воронами.

– Так ведь тут все мертвые. Неужто ты вечно будешь молчать?! – он быстро полетел мимо белого лица идущего, присев на ветви неподалёку.

– Буду, если захочу. – изрек он, поднимая с ледяной земли что-то наподобие мачете.

– Хотя бы скажи своё имя, странник.

– Моё имя вовсе не важно. Это не то место, где оно имеет вес, ворон. – промолвил юнец, поднимая тряпку с тела умершего человека. Его тело не имело руки, ноги, выклеван был левый глаз, в общем изуродовано. Остались лишь кровавые следы на теле и этот белый платок на лице. Безымянный поднял его и утер своё лицо с долей наслаждения. – Интересно... – сказал, негодуя, осматривая платок.

– Зря ты думаешь, что здесь неважны имена, юноша. Здесь у каждого есть имя, и каждого здесь знают, но ты...

Ты не такой, как другие. В тебе бурлит эта кровь! И если её в тебе не останется, то ты станешь таким же, как и другие здесь! Именно поэтому я хочу знать имя героя, который перешёл пород, который нельзя было переходить! Я помолюсь Ей за тебя, за твою черную душу, которая ещё жива, в отличие от всех нас!

– Моя душа... Именно поэтому я здесь. Я ищу то, что спасёт и ту душу, что была прекрасней всех на свете. Пусть имя моё в этом мире будет Виктор. – изрек паренёк, бросая платок на землю. Он согнул колено, положил руку на лицо мертвеца и сказал: – Я здесь не затем, чтобы умирать.

– Прекрасно, Виктор. Чудесное имя! Моё имя – Витольд. Я хочу оберегать тебя, странствующая душа.

– Зачем тебе это, ворон? – спросил Виктор, поднимаясь с колена после того, как накрыл платком мертвеца и прошептал ему на ухо: – Прости меня, я не хотел запачкать твой платок... – после этих слов тело начало стремительно превращаться в пепел, который уносил ледяной ветер в горящий синим пламенем лес неподалёку.

– Знаешь, Виктор, даже в этом гнилом мире существу нужен какой-то стимул для существования. Ведь только так мы сможем обрести покой. А покой – самая главная награда для всех живущих здесь.

– И что же ты хочешь от меня? Быть моим спутником? Но мне не нужен никто. У меня был договор, в нем было сказано, что я должен пройти всё в одиночку. – договора, к сло-

ву, никакого не было. Просто придумал, чтобы оправдывать свои действия.

– Ты псих?! – Витольд взмахнул крыльями, оказавшись прямо у лика идущего по покрытой инеем тропе босого Виктора. – Ты не мог поставить жизнь на кон!

– Этот дар стал уже проклятием. Ты же сам сказал, что каждому существу рано или поздно нужен покой. Вот и мне нужен этот покой, но не в загробном мире, не на Лимбе, а в жизни не сыскал.

– Но как же то, о чем мечтаем мы, может стать проклятием для тебя? Ты же жив, а значит сущность для тебя есть великое, а ты проиграл её!

– Жизнь – понятие относительное. Оно начинает тяготить со временем, Витольд. Мне было даровано то, что дороже самой жизни, что дороже всего на свете. Но это уж..., но я поклялся кровью сам себе и расписался на листке, что я верну её, верну то, что для меня есть жизнь, что породило смысл в ней. И я готов даже на смерть, поэтому я здесь.

– Нет ничего дороже жизни! – изрек ворон, взмывая в серые тяжёлые свинцовые небеса, из которых мигом посыпались пепел. – Ты идиот, Виктор, ты мог жить, но ныне ты в окопах по собственному желанию! – промолвил Витольд, улетаая в далекие мертвые земли Агрона, где поля, где мяса много, где воют мертвецы за булку гнилого хлеба.

А Виктор шел, трупов по дороге обращая в пепел, он шел, босыми теплыми, целыми и такими розовыми, как у ребенка

ногами окунаясь в кровь. И тяжело вздыхал, очами в небеса взмывал. И тут он ощутил запах гари у ноздрей, ведь на него свалился здешний снег.

– Это пепел... Или снег? – спросил вдруг юнец, взирая на молву небес. Свинцовые облака пылали красными пожарами, в них скрывался пепел, что ныне падал, ведь становилось холодно. Всё тело Виктора сковал безжалостный холод, опустив руки свои под ноги. Прошлась прохлада по ногам, сковала позже по рукам.

Агрон, куда стремился Витольд, – место для пожирания гнилья, для поедания падали голодных масс. Даже молвили тут мертвецы, что там когда-то прорастали трав зелёные кусты, но их тут же пожирали, не давая распространения по мертвой, кровью залитой земле. За Агроном сияли пламенные восходы и заходы, да всегда там было зрелище прекрасно. Туда все здешние пытались попадать, они шли по рекам крови, что текут оттуда, где полыхает рассвет, сменяясь алым закатом, они шли и приходили, но позже падальщикам привозили их изувеченные тела. А однажды творца они привезли, что гнилью был пропитан насквозь, а в дневнике его написано легко да давно составленная мудрость: «Везде хорошо, где нас нет... А тут войны идут бессмысленные, тут наших убивают, тут своих казнят, а закаты и рассветы здесь пропитаны не красотой, а залитою кровью, вытекающих из недр, из которых изредка вытекает нефть.

Одинокое место, темные сожженные поля, пепел, летя-

щий из небесного массива, падающий на головы. Холод. Жестокий зимний холод, хоть и не указывает на зиму. Запах гари, противный запах гари и боль, что ты не чувствуешь, но она с тобой, она сзади, она спереди, справа, слева, сверху и снизу, это воздух, которые несет с собой легкий вкус прогнившей плоти, что будет обглодана стервятниками, которым ничего не остается, как пожирать вонючую плоть, как отрывать последние куски мяса от неё.

Тут нет памяти, есть только момент, которые так беспощадно норовит вырвать тебе глаза, лишить воздуха и смысла идти дальше. У мертвецов, что изредка встречаются на пути пустота в глазах, лишь холодный мрак, лишь та просьба у свинцовых небес о даровании покоя, но в этих краях никто, даже тот, чья душа изуродована и мертва, не найдет покоя, ведь это место и есть тот покой, которого искали эти чертовы мертвецы... А вокруг это пустынного хаоса, что окружен завесой тайн и вопросов просто становится страшно. Этот тихий, неслышимый ветер создает хотя бы что-то в ушах, но даже он не спасает от безмолвия тон трупов, что, как на подбор, разложены, словно тропа или плот из бревен. Идти по ним – безбожность, но и выхода другого нет. Только вперед, только по трупам... но ради чего? Ради чего люди шествуют по мертвецам и холодным головам? Я, увы, ума не приложу, но Виктор идет... у него цель, ради которой он готов стать монстром. Но цель поистине божественна, достойна восхваления самого бога, ежели та сущность имеет в этом

мире из разбитых кровью зеркал. И напор нужен кровяной, чтобы хоть одну трещину вызвать на стекле? И какой нужен нрав того, кто её выливает, но, увы, тут все безнравственны, поэтому и за них всё делают.

Сей мир жесток, но в нем нет понятия добра, в нем нет и зла, тут всё так, как в реальности, но только без прикрас. И это жестоко и выбивает из него, и кажется всё мигом таким реальным и живым...

Виктор шел по мертвой почве, он скитался, он не знал, что делать дальше. Была только цель – найти её, что вылечит и примет его живым, здоровым и вновь полюбит, пока цветут вокруг цветы. И чтобы хоть капельку отвлечься от тоски, чтобы не потерять душу мимолетом, он рубашку свою отодвинул, высунув кулон. – Я приду, ты только жди... Я найду её, найду смерть и выполню часть своего договора... – говорил он тихим, слабым голосом, хоть на лице сияло мужество. Он поцеловал кулон, а по щекам потели одинокие и соленые слезы, стекающие до губ, оставаясь на них. И вдруг ударит молния, и вдруг жизнь пролетит пред глазом, но была ли это жизнь, ведь мир, в который он попал, не есть жизнь, это чистая смерть, это чистый страх и холод...

II. И холодно, и страшно смотреть в немые зеркала.

– Страх уже одолевает тебя? – был слышен голос в голове Виктора, что молча, свесив ноги с обрыва, любовался заревом небес. Красиво было зрелище. Свинец в облаках

уж ушел на задний план, озарив перед очами лишь пустоши черной земли, освященной лишь ярким оранжевым и таким приятным глазу взором, что казалось, нет различий между этим и миром жизни, где цветет в таких местах полынь.

И каждый миг в голове звучал нотками тихий ропот, но слышал его отчетливо, но не всегда хотелось понимать слова.

Встречались на пути Виктора различные виденья, что вот тут, за углом, где-то стоит завод, он пылает, на нем люди, горами мертвецов лежат, над ними стоит главарь, что обликом, как будто, жестокий и такой огромный, как червь, как порождение черни, как узурпатор и кровопийца стоит. Он и что-то говорит, но всё мираж, всё лишь стены прозрачные, за которыми, прошу на миг, скрывалось то, что слышал голосами отдаленно в голове. Будто правила кто-то изнутри твердил.

И каждый раз, и каждый день, скитался по пустынным мертвым местам, смотрел на небеса, что изредка сменялись осадками. И как-то раз он шел средь кого-то гиблого месте, где наконец-то нашел хоть что-то отдаленно напоминающее ему реальность – это была сожженная изба, иль дом, точно не скажу, но внутри варился очень, очень противный, но питательный на вкус суп. Изнутри было пусто, но этот голос в голове твердил, что он тут не один. Что он тут не один...

И он скитался по комнатам, искал он что-то, что приведет его к разгадке. И он ходил, искал хоть что-нибудь, за что в силах зацепиться его одинокий и скучающий взор. Тут

пыль витала, преломлялось взором солнца. Было тихо, лишь скрип от ветра, от открытой двери издавал звуки.

Виктор, проводя взглядом дом, увидел скрытую дверь за мебелью. И он прошел к дверям, начал двигать мебель, вдруг дверь грохнулась внутрь, освободив юноше проход.

Из подвала доносился запах петрикора, такой знакомый, такой любимый и родной, будто оказался он не в каком-то гнилом и чудовищном мире, а в мире живых, в мире, где идет не лишь кислотные дожди, где не лишь пепел падает с небес, а снег чистый... такой белый-белый, что душу сразу согревает. Но тут и неприязнь, даже некий ужас пред тем, как шаг ступить в этот подвал, ведь кто уж знает, что ждет его там.

Внизу, как в преисподнии, он нашел свой ад из миллионов зеркал. И в каждом он видел лишь себя... Где ребенок бежит по территории родимого дома, догоняя отца. Весна цвела тогда, играли птицы великий оркестр для души, для приближения теплого лета. Лучистая вода текла по почве, окружая молодые, недавно высаженные цветы, что так активно тянутся к небесам. И всё было прекрасно. Легкий ветерок, обвивающий волосы, но взгляд юнца на той стороне зеркала... Это ужас. Он смотрел с неимоверной ненавистью, будто ненавидит сам себя, ненавидит старшую версию себя. И из счастливого юноши, что с отцом играла в догонялки, стал мигмом пред ним тот, что воткнуть желает со страстью в сердце кинжал. Виктор посмотрел с ненавистью в своё отра-

жение и почувствовал неутолимое желание ударить его, разбить и убежать, но вместо этого он просто попятился назад, отвел взгляд, увидев другое зеркало... И там уж было другое отражение, уже повзрослевшее отражение, что с не меньшей злобой смотрело на Виктора. И сейчас он наткнулся, оперся на стену, что ощутил спиной, оперся на холодную, ледяную стену, которая стала его пристанищем в этом окружении зеркал.

– Нет... – говорил он, скользя по стене... Глазами начал он бегать, искать хоть одно отражение, что улыбнется ему, что посмотрит на него, как на человека. – Неужели всё настолько плохо?! – кричал Виктор, закрывая глаза... а на дале лишь тишина, сопровождающаяся глубоким и тяжелым дыханием юноши, что продолжал кидаться взглядами и искать хоть что-то, что поможет ему.

– Ты – это теперь не ты! – хором заговорили отражения паршивые. – Ты стал жалкой копией себя! Тем, кто не ты! Ты стал лишь куском мяса без чувств и эмоций!

– Заткнитесь! – закричал Виктор, разрывая горло от крика, выплевывая легкие, что начали гнить, пока Виктор находился на мертвом воздухе... Он залил кровью пол и самого себя. Казалось, что сейчас он сойдет с ума. Он нарочно продолжал искать хоть одно отражение, что посмотрит на него по-доброму... Но из сотен зеркал так и не смог отыскать заветный лик... Лик, что так мило взглянет на него, указав на то, что ещё не всё потеряно в жизни его, что ещё есть хотя

бы шанс всё изменить... И вдруг он заметил уголок скрытого зеркала, скрытого другими зеркалами... И ринулся он к нему, бросая на пол то, что со жгучей ненавистью смотрела на него... В том зеркале он увидел свой труп, лежащий на черной и кровавой земле. Лик был устремлен в небеса, а рядом плакала... она... его избранница, его душа, его единственная любовь. Он остуился назад, почувствовав кончики пальца чьи-то; оглянулся и увидел руки, что тянутся к нему тело, руки младенца, юноши, подростка, руки его... Руки собственные, что хватаются за такие же, но кровавые руки. И вокруг лишь восстает животный... нет, не страх, а ненависть! Ненависть к самому себе, но больше – к этим чертовым зеркалам, что твердят: – Вернись, идиот! БУДЬ СОБОЙ! ТЫ НЕ ТОТ, КОГО ТЫ ПОКАЗЫВАЕШЬ!

– Я сам выбрал этот путь! – проговорил Виктор, отбиваясь от одной из рук, нащупывает какую-то кочергу и производит взмах руки, разбивая зеркала...

Удар, за ним ещё один... Кочерга уж не нужна, бьют руки, разрезая плоть стеклами, оставаясь там... А кровь впитывается внутрь, кровь сжигает плоть, сжигает плоть, но это не видно, фибры души не чувствуют боли физической, они чувствуют лишь этот пожар внутри. Горят сухие леса, горят синим пламенем, погибают животные, превращаясь в сгоревшее мясо. Погибают белки, волки, все зверки, что так прекрасны были, но лес горит... а они задыхаются, как задыхается его душа, но нет времени слезы лить. Есть лишь нена-

висть, которая перекрывает боль и страдание внутри. Все, до последнего трюмо, уничтожают в нем всё, что суще было, уничтожают его плоть, что из-за собственной крови, превращается в одни кости... нет уж больше кожи, нет и мяса, только голые кости.

И уж когда все зеркала разбиты... поднимутся глаза на потолок, потекут слезы. И раздастся вдруг вопрос к самому себе: – И кем же я стал? Кем ты стал, Витя... А ведь раньше всё было по-другому, раньше всё было... а сейчас что? А сейчас я разбиваю зеркала, в которых вижу свои глаза... в которых я вижу себя. Я разбиваю те осколки прошлого, что некогда любил, что так сильно люблю... ведь тогда... я был человеком. Тогда была она жива. А сейчас... а сейчас я лишь биомусор. Лишь бессмыслия кусок в бессмысленном мире. Но был я собой где-то миллион таблеток тому назад. Таблеток успокоительного, таблеток антидепрессантов и экстази... почему ты ушла? – спросил Виктор, вынимая из-под белой рубахи кулон, открывая фотографию девушку, но вдруг увидел, что кусочек превратился в пепел, взмыл в воздух и развеялся из-за сквозняка почти сразу... – Прости, умоляю, моя девочка... Я обещаю, я приду, я буду рядом, я буду с тобой, всегда буду с тобой! Я найду тебя! Я не знаю твоего имени, но мы будем счастливы, ты вновь спасешь меня от слез, ты вновь спасешь меня от боли собой. Я люблю тебя, моя девочка, моё солнышко... – говорил он, роняя слезы на её портрет. Казалось, что она милее стала улыбаться, казалось, что мило

смотрела на него.

Холодный ветер. Яркая луна. Тишина. Гробовая тишина. Кровью залитая рубашка, развивающаяся на ветру. Идущий куда-то Виктор, смотрящий на луну грустным взором. Он тянет к ней руку, а видит лишь голимую кость, а за ней этот осколок спокойствия, что помогает ему не сойти окончательно с ума. И страшно, и грустно, и холодно... – Хочется тепла... – говорит Виктор, останавливаясь посреди бескрайнего черного поля, где всё выжжено войной, где всё погибло, где нет жизни, только лишь Виктор, что ныне похож на тех, кто более всего других лежит здесь.

Он посмотрел на свою костяную руку, вдруг осознав, почему тут все обратились в кости. – Они все скелеты от того, что ненавистью пылают. – он лишь улыбнулся после этих слов луне, что так сказочно сияла над головой. Воцарился над ним словно праздник и парад звезд, что пляшут над ним прекрасный вальс, как освещают ему путь куда-то вдаль... Но ярче всех светит лишь она – его путеводная звезда. Его путеводная звезда, у которой лик, точно списанный с неё. Она прекрасна, она дорогу освещает, а он идет по свету её. Не видит то, что по краям. Пред ним сияние, пред ним четко очерченный путь, по которому расцветают цветы, по которому почка становится прелестью из пепла, возрастает цветок от каждого нового шага. Но руку жжет, но он не чувствует, лишь улыбается, идет и не думает, ведь теперь он счастлив

хоть немного. Он чувствует её. Виктор чувствует, чувствует её тепло, её руки, что полыхают любовью.

И падает он без сил на зеленую и такую приятную, свежую молоденькую траву, смотря на её улыбающийся лик. И молвит вслух: – Вот и ты, моя девочка. Наконец–то ты пред мной, но так далеко. Но знай, любимая, я скоро найду тебя. Я скоро буду рядом. На ум приходит лишь одно имя, кажется твоё... Ева!

III. Та, что жива среди мертвецов.

И солнце озарило очи пред пробуждением, словно говоря: – Вставай, любимый! – молвило он голосом той, что видел он на небесах, голосом любимый. Лучи солнца были словно взгляд её, словно бриз океана, стужи... Ах, какие же красивые и небесные очи освещали его лик. Она обнимала его, он чувствовал это, она целовала его лучами своими, он поглощал их. Он пока не мог светить в ответ, ведь он опущен в самый тлен...

Виктор смотрел на небо чистое, любовался. Он видел знакомый и любимый лик. Он наслаждался пением ветра, что ныне так спокоен. Он наслаждался шелестом травы вокруг, цветов, что окружили его, заполонив поле. И вопросов пока не возникало, не об этом думала голова.

Он слышал её голос, он чувствовал её губы на своих губах, но стоило лишь опомниться, как он понимал, что смотрит не ей в глаза, а гущу небесных сводов, что лучезарно озаряют

его лицо, его карие глаза, что, как кофе, растворяется в этой синеве, удаляясь от земли.

И скажет он пред тем, как встать только лишь одно: — Я иду за тобой, я иду к тебе, моя девочка, моё солнышко... Моя самая красивая девочка в этом безмолвном, грустном и гнилом мире. Я иду к тебе, моя любовь, моя Ева.

И отправится путник в дальний путь, что сулит ему дорога и тропа, что сулит сожженные пожарами леса. Всё, как часть его души...

Уж засиял день, когда он понял, что вокруг раскинулось зеленую пылающее поле. Поле, что покрыто ягодами, цветами и кустами, что в низине ожидал его великий папоротник, а в пруду, что кровью некогда залит был — плескались рыбки, взирая на него, как на отца, как на Бога, давшего им жизнь. Рука, касаясь травы зеленой, более не зудела, заставляла забываться, что нет её, заставляла чувствовать себя живым, пока он рядом с собой, бегущей и счастливой, представлял её. Она в его голове твердила, что ждет, что обниматься вечность хочет, он был готов, но продолжал идти, чтоб не кануть в небытие, чтоб вновь её обнять, на этот раз уж не отпустив никогда. Чтоб смерть слаба была, чтоб жизнь казалась пустяком, ведь для них любовь — получше жизни. Получше жизнь в одиночку.

Вскоре, когда уж солнце затянуло облаками, когда пове-

ял легкий сплин, перестали распускаться на мертвых, черноземом усыпанным, полях цветы, когда накинута тоска с неимоверным желанием идти, показалась зеленая чаща. Не такая, как ране было, она была живая, цвела и пела, как будто в лесу реальном очутился Виктор.

В нем всё было, как на подбор, всё цвело, как будто на экваторе, всё пылало, всё пахучим и прекрасным амбре обвивало лик. Послышался лепет птиц, что шатали великие заросли листвы, взмывая в небеса. О как же тут всё благоухало, всё пылало жизнью, что казалось, это рай в самом аду.

Белки, перемещаясь стадом, плясали на подмостках рая, что кажется бескрайним, но он конец имеет, хоть тот всё отдалается от центра. Тут бегали лисицы, белки, даже зайца глаз заметил. Биология тут царила чудесная... А сколько дивных птиц витало без деревьев, а что удивленными очами взирали на идущего Виктора в оборванной и кровавой рубахе... не сосчитать. Весь мир живой... хотя кто уж тут живой, то? Весь он смотрел на путника, что шествует своей дорогой, не зная точки назначения. Куда уж приведет его бесконечный путь? Может канет в небытьё? А может воспрянет от оков?.. Всё одно – ждет его какой-либо исход.

И заметил глаз, откуда начинались разрастаться цветы, травы и деревья – то был особняк огромный, выложенный красивой кладью, но выглядел он одиноко, хоть пылали по дневному времени в нем различные света. Из окон доносились, озаряя мир, что и так наполнен светом солнца.

Все стены его было закиданы кустами, что казалось, дом заброшен, но Виктор сделал шаг на территорию, оглядел богатый двор, увидев молодую деву, собирающую цветы, что на вид словно мята... Да, это была как раз таки мята, а рядом росла Melissa. Девушка мило улыбнулась путнику. И он услышал слова: – Здравствуйте! Как вы сюда забрели, юноша? – странно, что такая молодая кровь клеймит более старших людей “юноша”, но суть не в этом. Главное то, что она заговорила с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.